

Основатели масонско-гностической традиции в России

Е.В. Родин

Многие исследователи гностической традиции в России знают, что она связана с масонством. Это не следует рассматривать в качестве отрицательной оценки гностической традиции. Дело в том, что масонство, появившееся в свое время под воздействием «гносиса», оказалось связано с возрождением гностической традиции. Разгадка этого феномена находится в просветительской деятельности русских масонов. Прежде всего, нужно отметить две наиболее важные фигуры русского масонства – Н. И. Новикова и М. М. Хераскова.

Николай Иванович Новиков – выдающийся масон и просветитель, основатель школ и библиотек, издатель, журналист и переводчик. Им издавались журналы: «Утренний свет» (1777 – 1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Прибавление к Московским ведомостям» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784 – 1785), «Магазин свободнокаменщицкий» (1784)[1]. Основные взгляды Новикова изложены в этих изданиях. Ключевые концепты его текстов: «совершенство», «спасение», «самопознание». Новиков руководил процессом перевода и издания светской, религиозно-философской и гностической литературы, участвовал в «работе» масонских лож (сам Новиков был привлечен в масонство И. П. Елагиним в петербургской ложе «Латона» в 1775 году, а в конце 1780 Новиков основал ложу «Гармония»)[2]. Н. И. Новиков был связан с прусскими правящими кругами, что сделало его личность подозрительной в глазах Екатерины II. Новиков был замечен и в кругах Розенкрейцеров[3], считавших масонство «внешним кругом». Все это привело к судебному процессу над ним (окончившимся заточением Новикова в Шлиссельбургской крепости). Екатерина II в 1786 году, готовясь к судебному процессу над Новиковым, поинтересовалась у патриарха Платона, что он думает по поводу произведений, публикуемых Николаем Ивановичем. Вот что сообщает по этому поводу Франц Яссен: «Патриарх выделил три категории текстов: литературные, которые он одобрял, мистические, о которых он не желал высказывать свое мнение, и произведения Просвещения, которые он не одобрял («вредные, непристойные, подрывные, ничтожные, пагубные» – такие определения вынес суд о последних двух категориях книг»)[4]. XVIII век в России был связан с успехом учения «вольных каменщиков». В это время большинство представителей высшего общества были связаны с масонством, что можно объяснить неудовлетворенностью церковью и желанием реализовать в чем-то еще свою изначальную религиозность. Среди известных масонов можно также назвать Н. И. Трубецкого, И. Р. Тургенева, А. М. Кутузова, М. М. Хераскова.

Михаил Матвеевич Херасков – один из самых заметных масонов того периода, создавший в Москве первый русский литературный журнал «Полезное увеселение». Писатели В. И. Майков, Д. И. Фонвизин, И. Ф. Богданович работали в этом журнале. Дом писателя был в Москве центром литературной жизни. Существует мнение, что Херасков оказал влияние и на Новикова. Также известно, что Херасков был членом новиковской «Гармонии». Важную роль играет масонская поэзия Хераскова, в которой нашли отражение этические идеи русского масонства[5]. В 1775 году из-за масонской деятельности Херасков был отправлен в отставку. Происходил процесс борьбы с масонством, в котором усматривали врага государственности (для государства была важна «вертикаль власти», а масонство укрепляло «горизонталь»). Последовательная борьба с масонством продолжалась до начала XIX века, когда в 1822 году произошло закрытие масонских лож и масонство ушло в подполье, но его дух не исчез. Новиков и Херасков дали мощный импульс для дальнейшего развития литературной мысли XIX века. Среди представителей таковой особый интерес представляют Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев.

Лев Николаевич Толстой – крупная фигура в истории русской философии и литературы. В нем пересеклись различные духовные движения и влияния, они же были им своеобразно осмыслены и переработаны в то, что позже получило название «толстовство». Е. Д. Мелешко отмечает: «оценка религиозной философии Толстого колеблется в предельно допустимом диапазоне: от определения ее как «подлинно христианской» (С. Л. Франк, В. В. Зеньковский и др.), до характеристики ее как «первозданно языческой» (Д. С. Мережковский, И. М. Концевич) и теософской (М. В. Лодыженский)»[6]. При ближайшем знакомстве с творчеством Толстого становится ясно, что любое подобное определение, на сколько близко, на столько же и далеко от духа его учения. Существуют различные версии об отношении Толстого к масонству, но большинство исследователей его творчества сходятся на том, что сам Лев Николаевич масоном не был. Знаменитые «масонские главы» во 2-м томе «Войны и мира» скорее указывают на идейное родство Толстого-моралиста с масонством. В этой связи есть интересные данные о знакомстве Толстого с деятельностью Новикова и об оценке этой деятельности: «Читал философское предисловие... к журналу «Утренний свет», в котором он (Новиков – В. Н.) говорит, что цель журнала состоит в любомудрии и развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивился тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы – нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравоучения в литературе, никто не поймет вас... Вот цель благородная и для меня посильная – издавать журнал, целью которого было бы единство распространения полезных (морально) сочинений»[7]. Толстой издал журнал «Ясная поляна», а затем ряд книг (среди которых «Книги для чтения» и «Новая азбука»), что было в целом в русле просветительского масонства. Однако Толстой не только перенял традицию, но передал ее через свое учение. Среди основных концептов Л. Н. Толстого можно выделить «самосовершенствование», «знание», «истина», которые роднят его с масонско-гностической[8] традицией. Влияние Толстого можно проследить на примере многих религиозных философов XX века, среди которых Л. И. Шестов, С. Н. Булгаков и ряд других. Высоко оценивал творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевский, личность которого заслуживает особого внимания.

Федор Михайлович Достоевский – фигура мирового значения, о чем свидетельствует его популярность в России и за границей. В. В. Зеньковский ставит Ф. М. Достоевского по силе влияния на русскую философию рядом с Л. Н. Толстым. Сам Толстой пишет в письме о Достоевском так: «Искусство вызывает во мне зависть, ум – тоже, но дело сердца – только радость»[9]. Достоевский попал в круг интересов таких русских религиозных философов, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Л. И. Шестов и многих других, посвятивших свои работы философскому анализу его творчества. Если творчество Толстого по своему морализаторскому духу перекликается с масонством, то Достоевского можно назвать выразителем гностической традиции второй половины XIX – начала XX века. Достоевский «возвышает» человека, «приравнивает» его к Богу. «Исконный гностический антропоцентризм обретает у Достоевского свое логическое завершение: начало человеческой личности становится самым главным определением бытия как такового»[10]. Противоречие добра и зла оказывается у Достоевского одновременно и противоречием бытия. «Зло, выходящее на поверхность бытия только через человека, оказывается столь же неустранимой и важной характеристикой, как добро и свобода. Именно в этом контексте Бердяев называл Достоевского гностиком»[11]. Следующей крупной фигурой в истории литературно-философского гностицизма был В. С. Соловьев, оказавший самое большое влияние на русскую религиозную философию XX века.

Владимир Сергеевич Соловьев – выдающийся русский философ, поэт, публицист, литературный критик. Ощущая свое родство с Достоевским, Соловьев считал его больше, чем романистом. Известно, что Соловьев глубоко переживал по поводу смерти Достоевского, воспринимая ее как большую духовную утрату. А. П. Козырев в работе «Парадоксы незавершенного трактата (о «Софии» Владимира Соловьева)» приводит уникальное письмо В. С. Соловьева, проливающее свет на его гностико-философскую интуицию (письмо написано 23 декабря 1874 года в Петербург профессору М. И. Владиславлеву): «Диссертацию решил писать о гнозисе: эта задача вполне соответствует роду моих способностей, и при значительных

размерах (я предполагаю листов 40) исполнение ее может иметь научное значение, тем более что, насколько мне известно, все общие исследования о гнозисе (разумеется, на западе: у нас еще ничего не было) написаны до открытия книги Ипполита, а в этих книгах некоторые гностические системы, напр., Василида представляются с иным и более философским смыслом, чем у Иринея или Епифания. Здесь, разумеется, нельзя иметь всех материалов, и я думаю для этого отправиться летом за границу на 1 год и 3 месяца, как обыкновенно посылают, и большую часть этого времени думаю провести в Лондоне, тем более, что за границей, кажется, только в Англии можно жить зимой...»[12]. В данном письме виден интерес Соловьева к гностикам и к их учению. Впрочем, не только к ним. На Соловьева оказали влияние Шеллинг и Гегель, Кант и Фихте. Магистерская диссертация была успешно защищена Соловьевым в 21 год, но интерес к затронутой тематике не прошел. Необходимо отметить его прекрасную гностическую поэзию[13], оставшуюся на периферии философского изучения, и заочную полемику с Кантом (например, в «Критике отвлеченных начал»). Здесь следует выделить 3 ключевые черты: 1) необходимость верховных начал в жизни, 2) недостаточность эмпиризма и рационализма, 3) человек как второе абсолютное и идея свободной теософии как синтеза теологии, рациональной философии и положительной науки. Причем теология понимается в данном случае как мистическое знание божественных вещей. Все эти рассуждения указывают на недостаточность науки и *ratio*, необходимость обращения к мистическому миру. Канта можно понимать и в гностическом смысле. Валентин Никитин пишет: «Врагу рода человеческого удалось противопоставить веру и знание, а стало быть, и разделить их. Это разделение закрепилось главным образом в философии Канта. «Кант, – как справедливо писал Н.А. Бердяев, – и был великим охранителем границ опыта, врагом гносиса, закрепителем устойчивости физического плана как предмета науки»»[14]. Но если Кант является «врагом гносиса», то Соловьев – это именно «хранитель гносиса». В.С. Соловьева действительно можно назвать хранителем египетского гносиса (известна его поездка в Египет, на родину великих мистерий). Принадлежность Соловьева гностической традиции выражается на концептуальном уровне в виде понятий «сизигия», «София», «всеединство». В.С. Соловьев в полемике с Кантом[15] всячески оправдывал мифологию как «непосредственный способ воззрения», что важно в свете сравнения гностицизма с мифологией, а гносиса с мифом (в античном смысле этих понятий). Это и есть апология гностицизма, защита гностической традиции, приоритет интуитивного над рациональным. Необходимо также отметить, что для В. С. Соловьева знание необходимо включает этику («свободная теософия» включает «органическую этику»), знание этизировано. Это означает, что Соловьев понимает гносис и этос несовместимыми лишь в их ограниченном смысле, а гносис и этос нераздельными в органическом смысле.

Итак, основателями масонско-гностической традиции в России являются Н. И. Новиков, М. М. Херасков (XVIII – XIX век), Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев (XIX – начало XX века). Новиков и Херасков представляют масонско-гностическую традицию с преобладанием масонских черт (концепты «совершенство», «спасение», «самопознание»; просветительская и издательская деятельность, масонская поэзия). Толстой демонстрирует родство с масонской традицией (концепты «самосовершенствование», «знание», «истина»; издательская деятельность, идея духовного синтеза). Достоевский выступает как выразитель гностической традиции (экзистенциальные черты, определение бытия через человека). Соловьев – самый влиятельный «хранитель гносиса» (концепты «сизигия», «София», «всеединство»), оказавший влияние на большинство русских религиозных философов XX века, вставших на путь гностицизма.

- [1] А. П. Валицкая. Идея совершенного человека в новиковской редакции масонства // Новиков и русское масонство. Материалы конференции. – М. – 1996. – С. 5 – 9.
- [2] М. И. Билинкис. «Герметическая библиотека» Н. И. Новикова // 500 лет гностицизма в Европе. Материалы конференции. – М. – 2001. – С. 90.
- [3] Е. П. Кваадграсс. Масонство в его связи с учением Розенкрейцеров // Новиков и русское масонство. Материалы конференции. – М. – 1996. – С. 51 – 62.
- [4] Франц А. Яссен. Вступительное слово // Новиков и русское масонство. Материалы конференции. – М. – 1996. – С. 3 – 4.
- [5] И. Н. Розанов. Михаил Матвеевич Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. Репринтное воспроизведение издания 1915 г. – Т. 2. – М. – 1990. – С. 38 – 52.
- [6] Е. Д. Мелешко. Философия непротivления Л. Н. Толстого. Систематическое учение и духовный опыт. – Тула. – 1999. – С. 236.
- [7] В. И. Новиков. Масонские традиции Новикова в русской культуре // Новиков и русское масонство. Материалы конференции. – М. – 1996. – С. 31.
- [8] Современный специалист по масонству В. И. Сахаров полагает, что масонство – это «гностицизм прежде всего».
- [9] Письмо к И. Н. Страхову от 5 – 10 февраля 1881 г. // Л. Н. Толстой о литературе. – М. – 1955. – С. 169. – 291.
- [10] Игорь Евлампиев. Гностическая мировоззренческая парадигма и ее преломление в русской философии конца XIX – начала XX века // Россия и Гнозис. Материалы конференции. – М. – 2001. – С. 97.
- [11] Там же. – С. 98.
- [12] ЦГАЛИ, ф. 446. оп. I, ед. хр. 43, лл. 4-4 об. Ист.: <http://www.anthropology.ru/paradoxy.htm>, 2001. – Журнал «Логос».
- [13] Достаточно прочитав стихи «Бескрылый дух, землю полоненный...» и «Нет, силой не поднять тяжелого покрыва...», чтобы оценить красоту и точность гностических интуиций В. С. Соловьева.
- [14] Валентин Никитин. Символика и гностические мотивы в поэзии П. А. Флоренского // «Россия и Гнозис». Материалы конференции. – М. – 1998. – С. 65.
- [15] Имеется в виду работа Соловьева «Кризис западной философии (против позитивистов)».